

Облака на горизонте бурлили, словно морские валы, вздымающиеся к самому небу. Цао Цао сидел в кресле, погружённый в думы; блеск в его глазах то вспыхивал, то гаснул, лишая окружающих возможности разгадать его мысли.

— Докладываю: голова Люй Бу отсечена.

— Гм, — лишь коротко отозвался Цао Цао. Он скользнул взглядом по пленным военачальникам. — Чэнь Гуна — казнить.

Проводив взглядом Чэнь Гуна, которого под руки уволокли стражники, Цао Цао поднялся и подошёл к Лю Бэю. Он взглянул на солнце, скрытое за пеленой туч, и произнёс с двусмысленной усмешкой:

— Господин Сюаньдэ, досадно вышло, что Юаньжан потерпел неудачу. Должно быть, вы немало натерпелись.

— Господин Сикун, вы слишком добры к моему смиренному имени, — Лю Бэй вновь принял свой обычный робкий вид, и на миг могло показаться, будто тот решительный и смертоносный человек, что стоял здесь мгновение назад, был лишь плодом воображения.

— А ведь вы вовремя дали мне тот совет, — Цао Цао похлопал Лю Бэя по плечу и рассмеялся, хотя веселье не затронуло его глаз. — В одной горе двум тиграм не ужиться. Я и сам об этом едва не забыл. Ха-ха!

Лю Бэй выдавил ответную улыбку, но в душе уже начал прикидывать, куда ему бежать в следующий раз.

— Дело плохо, — Сюнь Юй, подавшись вперёд, прошептал на ухо Го Цзя: — Господину Цао не следовало говорить этого Лю Бэю. Теперь тот испуган, словно дикая птица, почуявшая стрелу. Он может сбежать в любой момент.

— Ничего страшного, — Го Цзя скрестил руки на груди, посмеиваясь. — Подождём немного, а потом напомним господину, чтобы он приглядывал за этим гостем повнимательнее.

Цао Цао тем временем обернулся к другому пленнику, стоявшему рядом с местом, где только что находился Чэнь Гун.

— Цзан Ба.

Тот не шелохнулся. Он лишь холодно смотрел на Цао Цао. Выдержав паузу, Сикун медленно произнёс:

— Что такое? Не желаешь мне подчиняться? Или ты так сильно жаждешь смерти?

— Всё одно помирать, — Цзан Ба отвечал грубо, под стать своему имени. — Коль решил убить — так руби, и нечего мне тут зубы заговаривать.

На лице Цао Цао промелькнуло удивление, которое тут же сменилось открытой улыбкой. Он взмахнул рукой:

— Гордый человек! Эй, развязать его!

— Смотрите, наш господин снова взялся за старое — коллекционирует таланты, — Сюнь Юй подошёл к Го Цзя, включаясь в их негромкий разговор.

Цзан Ба, разминая затекшие запястья, недоверчиво оглядел Цао Цао:

— С чего бы это ты казнил тех двоих, а меня решил оставить?

— Для смерти тех двоих были веские причины. Но в тебе я вижу дар, который было бы жаль губить. У тебя два пути: либо ты пойдёшь за мной к великим свершениям, либо отправишься вслед за ними в могилу. Выбирай сам.

— И это он называет «вербовкой»? — пробормотал Го Цзя. — Тот, кто не хочет помирать, волей-неволей за ним пойдёт.

— Цзан Ба — человек простой, ему не нужны церемонии, — тихо заметил Сюнь Юй, не сводя глаз с Лю Бэя. — Если бы он не хотел служить, то не стал бы цепляться за жизнь. А раз уж он выбрал путь Господина Цао, то уже не предаст.

— Справедливо, — кивнул Го Цзя.

В итоге Цзан Ба, разумеется, присягнул на верность Цао Цао. Всё закончилось благополучно, но Сюнь Юй никак не мог успокоиться, глядя на Лю Бэя. У него не выходило из головы предчувствие, что этот человек нанесёт удар в самый неожиданный момент.

Однако, то ли из-за того, что Лю Бэй умел казаться совершенно незначительным, то ли из-за новых забот, Цао Цао больше не возвращался к тому разговору. Все помыслы Сикуна теперь были заняты Юань Шао и Чжан Сю. Вскоре Лю Бэй и вовсе выпал из поля зрения Сюнь Юя, поскольку Юань Шао двинул свои десятитысячные легионы в Уезд Суй. Все внимание советника поглотили планы по переброске войск к реке, укрепление Гуаньду и распределение сил.

Вскоре после возвращения армии в Уезд Суй Цао Цао внезапно устроил пышный пир. Причина

была веской: Чжан Сю, когда-то нанёсший Цао Цао сокрушительное поражение, наконец-то решил покориться. Более того, он привёл с собой первоклассного стратега — Цзя Сюя, Вэньхэ. Впрочем, вернее было бы сказать, что это прозорливый Цзя Сюй привёл Чжан Сю сдаваться.

На пиру Цао Цао вёл себя так, словно начисто забыл о резне в Ваньчэне, где он потерял сына и верного генерала. Он весело пил с Чжан Сю, пожаловал ему титул генерала Янву и сделал его хоу, а в довершение всего предложил скрепить союз браком их детей. Словом, он сделал всё, чтобы расположить к себе недавнего врага.

Сам Чжан Сю, до конца не понимая, как всё обернулось таким образом, пребывал в состоянии эйфории от столь радушного приёма. А вот сидящий рядом с ним Цзя Сюй видел всё насквозь. Он едва заметно улыбался. Подобное обхождение было частью его расчёта. Более того, он знал, что такое отношение продлится долго — иначе он не заставил бы Чжан Сю отвергнуть предложение Юань Шао и без оглядки броситься в объятия Цао Цао.

Глядя на сияющего Чжан Сю, Цзя Сюй вздохнул про себя, вспомнив ночь перед их приходом в Уезд Сюй.

— Дядя Цзя, мы сейчас слишком слабы, — шептал тогда Чжан Сю, поглядывая на посланника Юань Шао. — Не лучше ли нам примкнуть к Юань Шао? Он сам прислал людей за нами.

Цзя Сюй, неспешно прихлебывая чай, окинул посланника ледяным взглядом, от которого того бросило в холодный пот. С усмешкой стратег медленно произнёс:

— Почтенный гость может возвращаться. Передайте Юань Бэньчу, чтобы он не тратил силы попусту.

Посланник уже открыл рот, чтобы возмутиться такой дерзости, но Цзя Сюй продолжил:

— Если хотите выругаться, советую поберечь дыхание. Вернитесь и скажите ему: я, Цзя Вэньхэ, считаю, что раз уж Юань Бэньчу не может поладить даже с собственным братом Юань Гунлу, то в его сердце вряд ли найдётся место для всех талантов Поднебесной.

Эти слова заставили посланника замолчать. Чжан Сю, который поначалу злился на дядю за своенравие, побледнел от страха, проклиная себя за недомыслие — он ведь едва не прыгнул в волчью яму.

Когда посланник ушёл, Чжан Сю с недоумением посмотрел на невозмутимого советника:

— Дядя, ваши слова справедливы, но такая прямота... не опасно ли это?

Цзя Сюй слегка повёл веером, обмахиваясь одним из перьев.

— Чего бояться? Мы сейчас же отправимся к Цао Цао. Уверен, Юань Бэньчу ничего не сможет нам сделать.

— К Цао Цао?! — воскликнул Чжан Сю, вытаращив глаза. — Но ведь у нас с ним кровная вражда! В Ваньчэне он потерял и войско, и любимого сына. С чего ему нас прощать? К тому же его силы меньше, чем у Юань Шао. Если Юань Шао решит свести с нами счёты, Цао Цао не выстоит.

— Именно поэтому мы и должны пойти к нему.

Чжан Сю совсем запутался и нахмурился:

— Прошу вас, господин, объясните.

Цзя Сюй усмехнулся и поднялся с места:

— Во-первых, Цао Цао почитает Сына Неба, чтобы приказывать непокорным вассалам, его дело законно. В отличие от Юань Шао, чьи амбиции рано или поздно приведут его на плаху. Во-вторых, как ты и сказал, сил у Цао Цао сейчас меньше. А когда благодарность выше: когда ты подносишь уголь в мороз или когда добавляешь цветов в букет? И в-третьих, Цао Цао на весь мир трубит о своей жажде талантов. Если он убьёт тебя сейчас, когда ты пришёл с миром, его назовут мелочным и мстительным. Но если он тебя примет, это станет лучшим доказательством его великодушия для всей Поднебесной. С этими тремя доводами мы можем спать спокойно.

Тогда Чжан Сю наконец понял, к чему клонит дядя, хотя и уловил лишь верхушку айсберга. Глубинные мотивы Цзя Сюя остались для него загадкой.

Глядя на недоумение племянника, Цзя Сюй лишь покачал головой и вышел из шатра. Тогда он ещё не знал, что, просчитав все ходы и чужие судьбы, он всё равно не сможет убежать от теней тех, чьи жизни он погубил. За долги приходится платить — возможно, именно поэтому вторую половину жизни ему придётся провести в предельной осторожности. Кто-то назовёт это мудростью, а кто-то — простым желанием выжить во что бы то ни стало.

Из раздумий его вывел Цао Цао, который уже стоял перед ним с кубком в руке.

— Господин Вэньхэ, то, что вы решили прийти ко мне, греет моё сердце!

Цзя Сюй скромно склонился в поклоне:

— То, что господин Сикун отринул старые обиды, вызывает во мне лишь глубочайшую признательность.

Цао Цао звучно рассмеялся:

— Прошлое осталось в прошлом! К тому же именно благодаря вам я смогу завоевать доверие Поднебесной. Прошу, господин, выпьем за это! — И он одним махом осушил кубок.

Цзя Сюй прикрыл рот широким рукавом и тоже выпил:

— Господин Сикун, вы слишком добры ко мне, я этого не заслужил.

— Оставьте скромность. Если вы этого не заслужили, значит, в нынешнем мире нет достойных.

Почувствовав искренность в словах Цао Цао, Цзя Сюй наконец окончательно успокоился. Свою партию он разыграл верно.

Хмель начал туманить голову, когда Цзя Сюй внезапно почувствовал на себе чей-то холодный взгляд. Он оглянулся, но увидел лишь юношу с бесстрастным лицом и весёлую толпу гостей. Помотав головой, старик решил, что просто перебрал вина.

Он вышел из зала, чтобы освежиться. Ледяной северный ветер мгновенно привёл его в чувство. Цзя Сюй бесцельно побрёл по двору и наткнулся на двух человек в одеждах чиновников. Один был спокоен и чист, словно яшма, другой же улыбался дерзко и вызывающе. Все трое замерли. Цзя Сюй первым пришёл в себя и вежливо поклонился:

— Моё имя Цзя Сюй, Цзя Вэньхэ.

Услышав это имя, Сюнь Юй едва заметно нахмурился. Он уже собирался ответить на приветствие, но его опередил Го Цзя, заговоривший неестественно едким тоном:

— О, так это вы, господин Цзя! Наслышан, весьма наслышан. Я — Го Цзя, Го Фэнсяо.

Цзя Сюй вежливо улыбнулся:

— О талантах молодого господина Фэнсяо ходят легенды. Старик вроде меня меркнет перед вашей славой.

— Куда уж мне! — перебил его Го Цзя. — Разве не вашими стараниями Го Сы и Ли Цзюэ когда-то захватили императора и залили страну кровью? Удивительно: те двое закончили плохо, а вы, будучи главным зачинщиком, вышли сухим из воды. Моё почтение! — Заметив, как помрачнел Цзя Сюй, Го Цзя распалился ещё сильнее: — А уж битва при Ваньчэне... Вы заставили нашего господина больно споткнуться. И вот теперь ему приходится принимать вас как самого почётного гостя. Впервые вижу человека, умеющего столь искусно лишать врага возможности отомстить. Право слово, я просто теряюсь от восхищения.

Тон Го Цзя оставался беспечным и даже весёлым, но в каждом слове сквозила неприкрытая издёвка.

Будь на месте Сюнь Юя кто-то другой, он бы призвал Го Цзя к порядку, но сегодня Сюнь Юй лишь молча слушал, и в глубине его глаз затаилось мрачное удовлетворение. Лишь когда Го Цзя замолчал, Сюнь Юй поднял взгляд и тихо произнёс:

— Моё имя Сюнь Юй, Сюнь Вэньжо.

Цзя Сюй, чувствовавший себя крайне неловко, поспешно кивнул в ответ.

Выплеснув яд, Го Цзя повернулся к Сюнь Юю:

— Вэньжо, я пойду внутрь, а то Чанвэнь опять поймает меня и начнёт читать нотации о приличиях.

Сюнь Юй негромко рассмеялся:

— Похоже, нашёлся человек, способный укротить твой буйный нрав.

— Да не боюсь я его! Просто его болтовня невыносима — зудит и зудит над ухом, голова пухнет. — Стоило Го Цзя вспомнить о Чэнь Цюне, как его лицо тут же скисло.

— Иди уже, а то Чанвэнь и впрямь до тебя доберётся.

Когда Го Цзя скрылся в дверях, Сюнь Юй обернулся к Цзя Сюю:

— Фэнсяо от природы своенравен, прошу господина не принимать это близко к сердцу.

В его вежливых словах не было ни тени извинения.

Цзя Сюй, прекрасно понимавший, какую неприязнь питают к нему старые советники Цао Цао, лишь тонко улыбнулся:

— Ничего страшного. Молодым людям положено быть такими.

Сюнь Юй прищурился, и его взгляд стал тёмным и глубоким, словно омут. Он посмотрел прямо в лицо Цзя Сюю и произнёс, чеканя каждое слово:

— У вас завидная широта души, господин. Будем надеяться, что и у других она окажется такой

же. Позвольте откланяться.

Глядя в спину уходящему Сюнь Юю, Цзя Сюй ощутил, как на сердце легла тяжесть. Похоже, жизнь в Уезде Сюй не будет лёгкой прогулкой. Го Цзя дерзок — это полбеда, но этот Сюнь Юй, кажущийся на первый взгляд безобидным, прячет в шёлке острые иглы. Его последняя фраза была не чем иным, как угрозой.

— Что ж, — пробормотал Цзя Сюй, глядя на пасмурное небо. — Посмотрим, кто будет смеяться последним.

Внезапный порыв холодного ветра заставил его вздрогнуть. Цзя Сюй нахмурился — ему почудилось, что где-то в тени притаился чей-то взгляд, острый и холодный, словно жало.

<http://bllate.org/book/17368/1695672>